

ОЧЕРКИ УЧЕНІЯ О ЦЕРКВИ.

4. — В а т и к а н с к і й д о г м а т ь .

(Окончаніе*)

Ватиканскія постановленія состоятъ изъ двухъ частей: *constitutio dogmatica de fide catholica* (*sessio III, 24 Aprilis 1870*), состоящая изъ трехъ главъ: *de Deo rerum omnium creatore, de revelatione* и *de fide*, — это страница изъ катехизиса, свидѣтельствующая объ общей склонности католичества множить догматическія опредѣленія, вызываюся ли или не вызываюся они неустранимыми потребностями церковной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣющая значеніе маскировки мѣстности, прикрытіе главной батареи — именно второго постановленія Ватиканскаго собора: *constitutio dogmatica I (?) de ecclesia Christi, sessio IV, 18 Julii 1870*. Она собственно и представляетъ собой знаменитый Ватиканскій догматъ, составляющій эпоху въ исторіи католичества. Она состоитъ изъ общаго введенія и 4 главъ, которыя, въ свою очередь, состоятъ изъ мотивировки и постановленія, «канона», скрѣпленнаго анафематствованіями его неприемлющихъ (къ слову сказать, по смыслу этихъ анафемъ имъ подлежатъ всѣ не католики, не признающіе Ватиканскаго догмата, а, стало быть, и всѣ «схизматическіе» *fratres separati*, т. е. и всѣ мы, православные).

*) См. предыдущій номеръ *Пути*.

Мотивировка эта содержитъ въ себѣ то, что сохранилось для вѣрующихъ отъ самой сессіи собора, ея обязательная сила не столь безспорна какъ канонѡвъ. П е р в ы й канонъ гласить: «Итакъ, если кто скажетъ, что блаженный апостоль Петръ не поставленъ Господомъ Христомъ главою всѣхъ апостоловъ и главою всей воинствующей церкви, или же что онъ получилъ прямо и непосредственно отъ того же Господа нашего І. Христа первенство только чести, а не истинной и подлинной юрисдикціи, да будетъ анаѡема». В т о р о й канонъ: «Итакъ, если кто скажетъ, будто не является на основаніи установленія самого Господа Христа или по божественному праву, что блаженный Петръ имѣетъ въ своемъ первенствѣ надъ всею церковью непрерывныхъ преемниковъ, или, что римскій понтифексъ*) не есть преемникъ блаж. Петра въ этомъ первенствѣ, да будетъ анаѡема». К а н о н ъ т р е т і й : «Итакъ, если кто скажетъ, что римскій понтифексъ имѣетъ только полномочія надзора или направленія, а не полную и высшую власть юрисдикціи во всей церкви, не только въ дѣлахъ, которыя относятся къ вѣрѣ и нравамъ, но даже и въ тѣхъ, которыя относятся къ дисциплинѣ и управленію во всемъ мірѣ распространенной церкви; или, что онъ имѣетъ только важнѣйшія части, но не всю полноту этой высшей власти; или что эта его власть не есть ординарная и непосредственная, какъ на всѣ и каждую церкви, такъ и для всѣхъ и каждаго пастырей и вѣрныхъ, да будетъ анаѡема». К а н о н ъ ч е т в е р т ы й : «Итакъ, мы, вѣрно слѣдуя преданію, принятому отъ начала христіанской вѣры, во славу Бога Спасителя, къ возвеличенію католической религіи и спасенію христіанскихъ народовъ, съ одобренія

*) Мы оставляемъ безъ перевода это римско-языческое Pontifex, п. ч. это не совсѣмъ то же, что первосвященникъ въ христіанскомъ словоупотребленіи, хотя такъ это слово обычно переводится.

священнаго собора, учимъ и опредѣляемъ, что составляетъ божественное откровеніе сей догматъ; Римскій понтифексъ, когда говоритъ съ каедръ, т. е. когда онъ, во исполненіе служенія пастыря и учителя всѣхъ христіанъ силою высшаго своего апостольскаго авторитета опредѣляетъ ученіе о вѣрѣ или нравахъ какъ содержимое для всей церкви, помощію Божіей, обѣщанной ему въ блаж. Петрѣ, пользуется тою непогрѣшительностью, которою благословилъ надѣлать Свою церковь Божественный Искупитель, въ опредѣленіи ученія о вѣрѣ или нравахъ; и такимъ образомъ опредѣленія Римскаго понтифекса сами по себѣ, а не на основаніи согласія церкви, не подлежатъ исправленію. (К а н о н ъ) : Если кто рѣшится противорѣчить этому нашему опредѣленію, что Богъ да отвратитъ, да будетъ анаѳема*). Всѣ эти постановленія (въ отличіе отъ другихъ католическихъ со-

*) Canon I. Si quis igitur dixerit, beatum Petrum Apostolum non esse a Christo Domino constitutum Apostolorum omnium principem et totius Ecclesiae militantis visibile caput; vel eundem honoris tantum, non autem verae propriaeque iurisdictionis primatum ab eodem Domino nostro Jesu Christo directe et immediate accepisse: anathema sit.

Canon II. Si quis ergo dixerit, non esse ex ipsius Christi Domini institutione seu iure divino, ut beatus Petrus in primatu super universam Ecclesiam habeat perpetuos successores; aut Romanum Pontificem non esse beati Petri in eodem primatu successorem: anathema sit.

Canon III. Si quis itaque dixerit, Romanum Pontificem habere tantummodo officium inspectionis vel directionis, non autem plenam et supremam potestatem iurisdictionis in universam Ecclesiam, non solum in rebus, quae ad fidem et mores, sed etiam in iis, quae ad disciplinam et regimen Ecclesiae per totum orbem diffusae pertinent; aut eum habere tantum potiores partes, non vero totam plenitudinem huius supremae potestatis, authanc eius potestatem non esse ordinariam et immediatam sive in omnes ac singulas ecclesias sive in omnes et singulos pastores et fideles: anathema sit.

Canon IV. Itaque Nos traditioni a fidei christianae exordio perceptae fideliter inhaerendo, ad Dei Salvatoris nostri gloriam, religionis catholicae exaltationem et christianorum populorum salutem, sacro approbante Consilio, docemus et divinitus revelatum dogma esse definimus: Romanum Pontificem, cum ex cathedra loquitur, id est, cum omnium Christianorum pastoris et doctoris munere fungens pro suprema sua Apostolica auctoritate doctrinam de fide vel moribus ab universa Ecclesia tenendam definit, per assistentiam

боровъ, — не только Констанцкаго, но даже и Тридентскаго) облечены въ форму буллы, изданной какъ личное постановленіе папы. Это потрясающее опредѣленіе въ первыхъ двухъ главахъ содержитъ ученіе, которое създавна (хотя и не изъ начала) стало присуще Римской церкви: о приматѣ Петра и его преемствѣ въ римскихъ понтифексахъ. Догматизировано оно было, однако, нерѣшительно и какъ будто мимоходомъ, развѣ только на Флорентійскомъ соборѣ.*) Въ Ватиканѣ раскрывается содержаніе этого примата въ двухъ направленіяхъ: со стороны полноты власти и юрисдикціи, какъ и со стороны догматической непогрѣшительности. Обычно поражаются второй частью этого опредѣленія, между тѣмъ, какъ не менѣе существенна первая**), вѣрнѣе, обѣ въ связи между собою. Третій канонъ даетъ папѣ абсолютную, никакихъ исключеній не допускающую власть, надъ всею церковью, всѣми ея членами и во всѣхъ дѣлахъ, притомъ власть полную и въ точномъ смыслѣ слова, т. е. «не приматъ чести», но именно юрисдикцію, непосредственную и ординарную. Это значитъ, другими словами, что, по крайней мѣрѣ, въ области юрисдикціи церковная власть

divinam ipsi in beato Petro promissam, ea infallibilitate pollere, qua divinus Redemptor Ecclesiam suam in definienda doctrina de fide vel moribus instructam esse voluit; ideoque eiusmodi Romani Pontificis definitiones ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae, irreformabiles esse

(*Canon*). Si quis huic Nostrae definitioni contradicere, quod Deus avertat, praesumpserit: anathema sit.

*) Попытка связать 2 канонъ съ Ефесскимъ вселенскимъ соборомъ ссылкой на притязательную рѣчь папскаго легата, есть одна изъ тѣхъ историческихъ натяжекъ и извращеній, которыя разоблачены полностью и неопровержимо Schulte въ *Die Stellung etc.*

**) Справедливо замѣчаетъ Friedrich. Tagebuch, Beilage III, 435, что «plenam potestatem ordinariam et immediatam», — «эти немногія слова суть опаснѣйшія во всей схемѣ. Черезъ нихъ епископаты побуждаются дать свое одобреніе по существу имморальной системѣ папизма, противъ которой протестовали соборы Констанцы и Базеля и провозглашали епископальную систему, что

есть папа, и бо никакой самобытной власти наряду съ нимъ нѣтъ и быть не можетъ. Епископы лишаются своего жезла и становятся требоисправителями, всецѣло зависящими отъ папы во всемъ, ибо власть эта не только высшая, но и ординарная и непосредственная, папа есть единственный епископъ со властью. И передъ уничтожающей силой этого неслыханнаго въ исторіи духовнаго абсолютизма, возвращающаго насъ далеко за христіанство, въ египетскую теократію и къ языческому «Pontifex maximus» императорства, казенной и безсодержательной отпиской звучитъ оговорка въ мотивировкѣ сар. 3*). Остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ можетъ утвердиться въ церкви какая бы то ни было другая власть внѣ полноты папской юрисдикціи. И ужъ если примѣнять излюбленное сравненіе папства съ монархіей, то въ абсолютной монархіи какую же самостоятельность имѣетъ природа власти у министровъ, губернаторовъ и всѣхъ

даже вызвало Лютерову реформацію и сильнѣйшее противодействие на Тридентскомъ соборѣ». Любопытно, что прежніе сторонники абсолютной власти папы понимали, чего хотѣли, и не вуалировали этого софизмами, какъ это принято теперь. Въ *Nouvelles Religieuses*, 1 sept. 1923 сообщается объ открытомъ Elter S. J. трактатѣ *maître Hervé XIV* вѣка въ защиту привилегій монашескихъ орденовъ въ связи съ папской юрисдикціей. *De iurisdictione et de exemptione* (Gregoriana, июнь, 1923). Здѣсь она опредѣляется такими чертами: «во вселенской церкви папа получилъ прямо отъ Бога черезъ посредство Христа, котораго онъ есть викарій, полную власть церковной юрисдикціи. Епископы обладаютъ, соотвѣтственно свойству сана, лишь властью *ordinis*, дѣйственно совершать таинства. Уступая имъ юрисдикцію, Р. М. не отказывается ни отъ какихъ своихъ высшихъ правъ. Онъ пребываетъ всегда въ качествѣ главы церкви, ординарнымъ и непосредственнымъ главой всѣхъ вѣрующихъ, cadaго изъ нихъ, каковъ бы ни былъ ихъ рангъ въ іерархіи. Онъ можетъ ограничить или приостановить всей своей суверенной властью всѣ епископскія юрисдикціи» (385-6).

*) «Однако нѣтъ того, чтобы эта власть верховнаго понтифекса нарушала ординарную и непосредственную власть епископской юрисдикціи, силою которой епископы, какъ поставленные Духомъ Св. (Д. Ап. 20, 28), заступили мѣсто апостоловъ, какъ истинные пастыри пасутъ и правятъ порученнымъ имъ стадомъ, каждый своимъ (дальше дѣлается ссылка на п. Григорія В., который, какъ извѣстно, съ гнѣвомъ отвергъ, какъ притязательное, званіе *episcopus universalis*).

чиновниковъ? Фактически отправленіе власти д е л е г и р у е т с я, но она осуществляется всегда и во всемъ «по указу его императорскаго величества». Это значить: папа можетъ приказать все и потребовать всего подъ угрозой самаго страшнаго наказанія, — д у х о в н о й к а з н и, анаемы (тѣмъ болѣе, что давно уже папамъ присвоено было распоряженіе не только въ земномъ мірѣ, но и загробномъ, черезъ индульгенціи въ чистилищѣ. Въ этомъ смыслѣ индульгенціи имѣютъ прямую связь съ развитіемъ папской plena potestas и упрочились на почвѣ такого стремленія: практика индульгенцій есть одно изъ проявленій папизма). Правда, здѣсь скажутъ, что папа ограниченъ церковными законами, догматами, вообще церковнымъ преданіемъ, какъ говорили нѣчто подобное и относительно абсолютнаго монарха. Однако, какъ монархъ не ограниченъ законами, но самъ себя ими ограничиваетъ, постольку же и папа самъ есть ж и в о е п р е д а н і е ц е р к в и, точнѣе, именно онъ, и только онъ, по смыслу Ватиканскаго догмата, и есть это преданіе. Поэтому онъ не связанъ и церковнымъ преданіемъ, точнѣе, онъ властенъ его а у т е н т и ч е с к и истолковывать, почему «сужденіе Апостольской каедръ» выше которой нѣтъ авторитета, никѣмъ не должно быть отмѣнено, и никому не позволено судить объ его сужденіи. Безапелляціонность сужденія фактически включаетъ въ себя и безошибочность, даже если бы она и не была нарочито формулирована въ 4 главѣ. Случай еретичества папы, который и послѣ Ватиканскаго догмата все еще допускаютъ «соглашатели», какъ напр. Гефеле*),

*) Hefele, I, 50: противъ галликанцевъ, Констанцкаго и Базельскаго собора, признававшихъ двѣ возможности смѣненія папы: ob mores или ob fidem aut haeresim, онъ допускаетъ лишь вторую, но тогда папа перестаетъ быть и членомъ тѣла церкви. Разумѣется, это сужденіе уже несовмѣстимо съ Ватиканомъ. Есть и еще вопросъ: можетъ ли папа быть больнымъ психически, како-

становится уже недопустимымъ, потому что заранѣе устраняется возможность органа, который засвидѣтельствовалъ бы это еретичество и тѣмъ самымъ дерзнулъ бы *de eius iudicare iudicio*. Такъ обр., устанавливается правовая и такъ сказать механическая непогрѣшительность, связанная съ должностью или саномъ, притомъ, главное, безсмѣннымъ и пожизненнымъ.

3 канонъ даетъ папѣ такую фактическую непогрѣшительность въ абсолютности его церковной власти, что 4 канонъ, обычно привлекающій къ себѣ вниманіе, является, въ извѣстной степени, къ нему даже о г р а н и ч е н і е м ъ, вѣрнѣе, онъ пытается его установить. А именно, если папа, силою своей *plena potestas* можетъ п р и к а з а т ь в с е, а, слѣдовательно, практически всегда и во всемъ *irreformabilis*, то 4 канонъ эту непогрѣшительность, *infallibilitatem et irreformabilitatem* (оба эти термина, какъ мы видѣли, употреблены въ опредѣленіи 4 канона, причемъ первый болѣе означаетъ теоретическую безошибочность мысли, второй — практическую безошибочность опредѣ-

вымъ почитался Пій IX во время Ватиканскаго собора нѣкоторыми его отцами (по свидѣтельству Friedrich'a)? Папа Адрианъ VI въ бытность профессоромъ Лувенскаго университета имѣлъ спеціальною обличать папъ въ ереси (Janus, 399, 430). Также P o h l e. *Unfehlbarkeit* въ *Kirchenlexicon Wetzer u. Welte's*, XII, 244, прим. къ удивленію находить: «изъ ватиканскаго догмата не слѣдуетъ даже невозможность форменнаго отпаденія папы отъ вѣры, какъ и каноническое право для такого случая (конечно, воображаемаго) предусматриваетъ немедленную потерю папскаго сана» (*Decret. Grat. dist. 39, c. 6, cf. Phillips. Das Kirchenrecht, I, 261 f., S c h e e b e n. Handb. d. Dogmatik, I, 214*). Но постановленіи Граціанова кодекса относятся къ тому времени, когда церковное право папской непогрѣшительности еще не знало. Къ исключеніямъ изъ непогрѣшительности относятся случаи, когда папа подвергается внѣшнему насилію и не имѣетъ свободы сужденія (*P a l m i e r i. De romano pontifice, 1877, p. 628*). Однако, допускать такую погрѣшительность, такъ сказать фальшивую *ex cathedra*, не соответствуетъ столь смѣло провозглашенному *veritatis et fidei nunquam deficientis charisma*, предоставляя к р и т и ч е с к и испытывать каедральность папскаго сужденія. Легко себѣ представить, какое значеніе получить эта оговорка, если для римской каедрой опять наступятъ черные дни, которые уже бывали въ прошломъ.

ленія, догматическаго правила или приказа), ограничиваетъ лишь дѣлами вѣры и нравовъ и притомъ при условіи высказыванія *ex cathedra*.

Излишне говорить, какія историческія трудности существуютъ для догмата непогрѣшимости*). Но и догматически эта каучуковая фор-

*) «Несомнѣнно, исторически установлено, что даже Петръ, согласно обѣщанной ему, какъ выражается *Vaticanium*, божественной ассистенціи въ вѣрѣ, не только заблуждался, но и отвергъ Христа; что не Петръ, но соборъ апостоловъ рѣшилъ споръ о необходимости обрѣзанія (Д. А., гл. 15); что Петръ былъ порицаемъ Павломъ за его ученіе (Гал. 2, 11); что п. Гонорій заблуждался въ вѣрѣ; что 6, 7 и 8 вселенскіе соборы прокляли п. Гонорія какъ еретика, что п. Левъ II признаетъ заблужденіе Гонорія; что п. Вигилій училъ еретически, что признаетъ п. Пелагій II въ Эліи Аквилейской въ 585 г., что 5 вселенскій соборъ проклялъ п. Вигилія какъ еретика; что папы на протяженіи вѣковъ въ даваемомъ ими при вступленіи на должность обѣтъ обѣщали соблюденіе и признаніе 8 всел. соборовъ, проклинали своего предшественника Гонорія (*Liber diurnus ed. de Rozière form. 83 ff*); что папы прежде признавали свою погрѣшимость въ дѣлахъ вѣры (см. *Stellung, 74 ff*); что между папскими декретами *ex cathedra*, между ними и положеніями вселенскихъ соборовъ, между отдѣльными ихъ пунктами, неизмѣнно касающимися вѣры, существуютъ противорѣчивыя положенія: между буллою *Unigenitus* п. Климента XI, п. 91 и письмомъ п. Гелазія противъ Акакія п. 43 — между Евгениемъ III и *cons. Remense 1148* и *can. 4 de sarc. ord. Cons. Trid. sess. XXIII*, — между ер. 6 Гелазія и *cap. 4* и *can. 4 de comm. sess. XXI (Stellung, 183 ff.)*, между Гелазіемъ ер. 37 *ita nos* и *can. 1. 3. de comm. sub utraque sess. XXI cons. Trid.*; что всѣ значительные канонисты съ Граціана въ 12, 13 в. в., многіе въ 14, 15 в. в. и оба значительнѣйшіе изъ іезуитовъ: Шмальцгрюберъ и Лайманъ признаютъ, что папа можетъ быть обвиненъ въ ереси (*Stellung, 189*); что древніе папы опредѣленно для рѣшенія вопросовъ вѣры считали нужными соборы, относительно чего 5 всел. соборъ ссылался даже на примѣръ апостоловъ» (*Schulte. Der Altkatholizismus, 309*). Къ этому перечню еще можно прибавить слѣдующіе примѣры: папа Николай I опредѣлилъ въ отвѣтъ болгарамъ въ 866 г., что крещеніе, совершенное только во имя Господа Иисуса Христа притомъ даже евреемъ, дѣйствительно (*Denzingeri, p. 335*), напротивъ, по опредѣленію папы Александра III (XII вѣкъ) дѣйствительнымъ является крещеніе, совершенное только во имя Св. Троицы (*Denz. 399*) и это, конечно, подтверждается и на Флорентійскомъ соборѣ (*Denz. 696*). (Разумѣется, ошибочное опредѣленіе п. Николая I истолковывается какъ выраженіе его личнаго мнѣнія, не *ex cathedra*). Въ приведенномъ опредѣленіи п. Александра III въ форму крещенія необходимо вводятся и слова: *ego te baptizo*; напротивъ п. Александръ VIII (XVII вѣкъ) призналъ (*Denz. 1317*), что опущеніе этихъ словъ (*ego in nomine*) не уничтожаетъ дѣйствительности крещенія. Въ опредѣленіи *intentio* п. Иннокентій III (1210 г.) въ буллѣ противъ вальденцевъ требуетъ *i. fidelis*, также п. Александръ VIII утверждаетъ, что крещеніе, совершенное по всей формѣ, не имѣетъ

мула можетъ быть растягиваема въ разныя стороны, какъ будто для этого она и поставлена (потому что иначе несообразность догмата была бы ничѣмъ не замаскированной). Если бы канону 4 не предшествовали три первыхъ, съ нимъ связанные, то мысль его объ авторитетномъ первоіерархѣ, провозглашающемъ въ окончательной формѣ постановленія собора, была бы почти безобидна и даже... православна. Ею опредѣлялось бы положеніе папы, въ качествѣ перваго патріарха, относительно всей вселенской церкви, по аналогіи съ положеніемъ, напр., русскаго патріарха относительно русской церкви, какъ оно опредѣлено было соборомъ 1817-18 г.г.,—быть у с т а м и помѣстной церкви, какъ возглавителя помѣстнаго собора. И это въ общемъ соотвѣтствовало бы авторитету папы, ему присущему (правда, не безъ колебаній) въ эпоху вселенскихъ соборовъ, до раздѣленія церквей. Но въ связи съ канонемъ 3, канонъ 4 устанавливаетъ фактическую непогрѣшительность или, что важнѣе, непреложность, *irreformabilitatem*, всякаго папскаго сужденія. В с я к о е опредѣленіе папы, которое онъ совершаетъ какъ папа, полной своей власти, есть уже *ex cathedra*, потому что нельзя раздѣлить въ личности папы священника, римскаго архіерея, итальянскаго патріарха и вселенскаго епископа. Разумѣется, объѣдаетъ и отдыхаетъ онъ, какъ частное лицо, но онъ тогда и не обращается къ церкви. Совершаетъ мессу онъ лишь какъ епископъ или священникъ, но постольку онъ также не обращается къ церкви (впрочемъ, поскольку онъ самъ является своимъ собственнымъ и единственнымъ архіереемъ, онъ и мессу

силы, если священникъ внутри себя (?) скажетъ *p o p intendo*. Т. о. устанавливается понятіе *intentio interna*. Напротивъ, п. Левъ XIII въ своей буллѣ объ англиканскихъ ординаціяхъ (1896 г.) заявляетъ прямо, что о внутреннемъ намѣреніи церковь не судить, но она должна судить о немъ, лишь поскольку оно проявляется извнѣ.

совершаетъ силою папской юрисдикціи). Всѣ же его церковныя опредѣленія; на соборѣ или въ консисторіи, буллы или бреве, одинаково несутъ на себѣ печать полноты власти, *irreformabilitatem*, и всѣ суть въ этомъ смыслѣ *ex cathedra**). Есть единственно опредѣлимая и оощутимая папская *cathedra*, — полнота власти, и потому все, что онъ совершаетъ въ церкви, есть и *ex cathedra*, подобно тому, какъ воля абсолютнаго монарха одинаково непреложна и суверенна какъ въ законодательномъ актѣ, такъ и въ любомъ административномъ назначеніи, и различія относятся лишь къ области классификаціи и кодификаціи, а не къ природѣ власти.

Тоже самое должно быть сказано и о дальнѣйшемъ ограниченіи относительно *de fide et moribus*. Излишне говорить, что послѣдняя оговорка — *de moribus* — имѣетъ уже совершенно неопредѣленное и безграничное содержаніе: что же въ человѣческихъ дѣлахъ такъ или иначе не относится къ *mores*? Но при ближайшемъ разсмотрѣніи и *de fide* не менѣе неопредѣленно. Положеніе $2 \times 2 = 4$ есть не *de fide*, но *de arithmetica*. Однако, если бы когда-нибудь возникъ религіозный споръ въ связи

*) Разумѣется, католическое богословіе настаиваетъ на различеніяхъ: «теологи выдвигаютъ положеніе, что папа ни какъ частный ученый, ни какъ свѣтскій суверенъ (какъ будто онъ не выдвигалъ въ качествѣ орудія политической борьбы духовныхъ каръ!), ни какъ простой (?) епископъ города Рима, ни какъ примасъ Италіи, ни какъ патріархъ Запада не имѣетъ непогрѣшительности, а только единственно и исключительно какъ верховный глава церкви (и притомъ *ex cathedra*)... Поэтому распоряженія учебно-политейскаго, церковнополитическаго, административнаго характера или примѣненія вѣроучительнаго начала къ частнымъ случаямъ затрагиваютъ столь же мало папскую непогрѣшительность, какъ и тогда, когда папа, хотя и рѣшаетъ вопросъ доктрины, но не въ торжественной всеобщезобязательной формѣ *ex cathedra*» (P o h l e I. с., 244). Разумѣется, всѣ эти отвлеченныя разграниченія не имѣютъ никакой силы предъ конкретнымъ единствомъ личности; носителя абсолютной власти. Это только показываетъ, какая степень растерянности существуетъ по этому вопросу въ богословіи, и какъ сами богословы не знаютъ, что дѣлать съ ватиканскимъ догматомъ и куда его уложить.

съ таблицей умноженія (на почвѣ гносеологіи), папскій декретъ и о ней былъ бы de fide не прямо, а косвенно. Иначе къ чему относилось папское опредѣленіе съ осужденіемъ астрономической теоріи Коперника, съ которымъ приходится теперь такъ трудно апологетамъ какъ Hergenrother? Вообще, когда папа учительно обращается къ церкви въ лицѣ любыхъ ея органовъ какъ папа, то онъ дѣлаетъ это только de fide et de moribus, п. ч. другихъ интересовъ въ жизни церкви вообще нѣтъ, всѣ же частности имѣютъ значеніе средства: каноника, дисциплина, литургика и т. д. Вѣрнѣе, всякій вопросъ или прямо имѣетъ, или можетъ получить при обостреніи своемъ значеніе вѣро- или нраво-учительное*). А потому оговорка 4 канона въ дѣйствительности ничего не оговариваетъ, и папѣ здѣсь усваивается, вмѣстѣ съ plena potestas и plena infallibilitas et irreformabilitas, иначе говоря, молчаливо провозглашается, что церковь — это папа. И за всякимъ папскимъ распоряженіемъ стоитъ plena potestas, принципиально или же и актуально.

Есть ли граница папскому всемогуществу въ церкви? Ея нельзя указать, разъ принципиально признана единоличная абсолютная власть. Въ сущ-

*) У Schulte. Die Macht der römischen Päbste über Fürste etc., 1871, сдѣланъ подборъ папскихъ буллъ, касающихся разныхъ вопросовъ и, по смыслу непогрѣшительности, сохраняющихъ силу и теперь, напр. устанавливающихъ полную власть папы надъ царями и подданными, какъ католическими, такъ и не-католическими, на основаніи которой они даруютъ имъ новыя страны съ правомъ обращаться въ рабство населеніе... Такъ папа Николай V въ буллѣ Romanus Pontifex, а также въ буллѣ Nuper non 9 янв. 1454 г. даетъ такія права португальскому королю Альфонсу относительно зап. Африки (подтверждено п. Каллистомъ III въ буллѣ Inter caetera 1456 г. и Сикстомъ IV въ буллѣ Aeterni Regis 1481 г.). Въ буллахъ п. Николая V португальцамъ дается исключительная власть надъ морями. П. Александръ VI въ буллѣ Inter caetera 4 мая 1493 г. вновь открытыя страны и острова отдаетъ королю Фердинанду и королевѣ Елизаветѣ «силою апостольской полноты власти», «авторитета всемогущаго Бога, данной намъ въ Св. Петрѣ и какъ намѣстнику I. Христа» (36-7). Папа можетъ и христіанскихъ подданныхъ, глава которыхъ анаематствованъ, дѣлать рабами и дарить: п. Григорій XI отн. флорентійцевъ 22 марта 1376 г. въ буллѣ In omnes fere. (38) и т. д.

ности, однимъ ватиканскимъ догматомъ исчерпывается вся католическая догматика, ибо въ немъ устанавливается критерій церковной истины, который имѣетъ, по смыслу догмата (какъ ни противорѣчить это церковной исторіи)*) силу и на прошлое и на будущее. Догматической истиной является то, что провозглашаетъ таковою папа *infallibiliter*, а практической истиной являются его распоряженія какъ *irreformabiles*. Ему присуща непогрѣзительность всей церкви: по формулѣ кан. 4, *per assistentiam divinam ipsi in beato Petro promissam, ea infallibilitate pollere, qua divinus Redemptor Ecclesiam suam in definienda doctrina de fide vel moribus instructam esse voluit*, такъ что какъ будто и въ самомъ догматѣ ставится знакъ равенства между церковью и папой. Однако и здѣсь, предумышленно или вслѣдствіе торопливости, допущена **з а в ѣ д о м а я д в у с м ы с л е н н о с т ь**, позволяющая толковать догматъ, съ одинаковымъ, притомъ, основаніемъ, въ двухъ разныхъ, если не прямо противоположныхъ, смыслахъ. Первый смыслъ, естественно вытекающій изъ общаго контекста, нами указанъ: по крайней мѣрѣ въ случаяхъ непогрѣзительнаго сужденія церковь — это папа. Второй смыслъ стараются извлечь богословы, не знающіе, что имъ дѣлать съ этимъ догматическимъ абсурдомъ и толкующіе его «positiv, nicht exclusiv». На этой точкѣ зрѣнія стоятъ напр. авторитетные представители нѣмецкаго католическаго богословія: Scheeben-Atzberger, Simar, Pohle и др. Согласно этому толкованію папѣ принадлежитъ та власть, которая принадлежитъ и церкви, и поэтому, по меньшей мѣрѣ, остается открытымъ вопросъ, имѣетъ ли коллегія епископовъ, т. е. соборъ (разумѣется, тоже въ соединеніи съ папой)

*) Ш у л ь т е справедливо указываетъ, что ссылка на Florentinum въ с. IV, какъ и цитата изъ его постановленія, сдѣланы тенденціозно, съ опущеніемъ конца, гдѣ имѣется ссылка на всѣ соборы.

iure divino, ту же полноту власти, что и папа одинъ, а также получаютъ ли епископы власть юрисдикціи непосредственно отъ Христа или отъ папы, вопросъ, дебатировавшийся еще на Тридентскомъ соборѣ, причемъ potestas ordinis производилась прямо отъ Христа, а происхождение iurisdictionis такъ и остается неопредѣленнымъ*). «Здѣсь не сказано, что специально папѣ обѣщанная помощь исчерпываетъ вообще помощь, обѣщанную учительному тѣлу церкви или есть формальное адекватное основаніе для всей непогрѣшительности учительнаго тѣла, и что, слѣдовательно, послѣдняя исчерпывается папской непогрѣшительностью или осуществляется ею и с к л ю ч и т е л ь н о. Ибо слова ea infallibilitate pollere qua etc. скорѣе предполагаютъ, что между непогрѣшительностью папы и церкви существуетъ не адекватное, но неадекватное различіе (?); иначе бы фактически намѣченное этими словами утвержденіе, что одно имѣетъ тотъ же объемъ, что и другое, не имѣло бы правильнаго смысла».**). Поэтому, по мнѣнію Atzberger'a и др. названныхъ

«Греки разумѣли подъ ними только ими принятые вселенскіе соборы т. н. уніаты только 8; ни на одномъ изъ нихъ отъ Никейскаго 325 г. до 4 Константинопольскаго 869 г. не признавался римскій епископъ ни единственнымъ, ни непогрѣшимымъ учителемъ вѣры и нравовъ; столь же мало это имѣло мѣсто и на 4 латеранскихъ 1123, 1139, 1179, 1215 и на двухъ ліонскихъ 1245 и 1274 и Вѣнскомъ 1311. Напротивъ, Констанційскій соборъ въ 5 своемъ засѣданіи 6. IV. 1415 г. догматически опредѣлилъ: папа подобно всякому другому подвластенъ общему собору. Это 5-ое Констанцкое засѣданіе принадлежитъ несомнѣнно къ признанной п. Мартиномъ V части собора. Т. о. ни одинъ изъ 11 признанныхъ въ самомъ Римѣ до Флорентійскаго собора или, опуская Констанційскій (Базельскій не идетъ въ счетъ), изъ 16 вселенскихъ соборовъ не постановлялъ то, для подтвержденія чего въ с IV приводится Florentinum. Впрочемъ, то, что говоритъ Флорентійскій соборъ, himmelweit далеко отъ ватиканской дефиниціи, такъ что даже оппозиція на ватиканскомъ соборѣ склонялась къ повторенію Флорентійскаго опредѣленія. Сверхъ всего, Florentinum устарѣло или разяснено чрезъ Tridentinum (l. c. 307).

*) См. S c h e e b e n — Handb. d. kath. Dogm. IV. Bd. I Abth., von L. A t z b e r g e r. Freiburg; Br. 1898, стр. 443-4. Ср. здѣсь характеристику полноты папской власти 438-9.

***) S c h e e b e n, l. c., 225 (какъ будто это аргументы!).

богослововъ, вселенскіе соборы съ папой во главѣ, имѣющіе значеніе для ясности рѣшеній и поддержки папѣ (какъ будто такая поддержка возможна и онъ въ ней нуждается!), обладаютъ и своей самостоятельной непогрѣшительностью, которая была бы имъ присуща, даже если бы папа и не былъ непогрѣшимъ. «Отсюда объяняется, какимъ образомъ до Ватикана не только утверждалась непогрѣшимость соборовъ безъ непогрѣшимости папы, но и могло считаться признаннымъ, что послѣдняя не заключается съ необходимостью въ первой, и она могла бы доказываться еще и иначе чѣмъ черезъ первую или вмѣстѣ съ первой»*) Однако по смыслу Ватиканскаго догмата, бросающаго свѣтъ и на всю прошлую церковную исторію и дающаго ей авторитетное догматическое истолкованіе, сила соборовъ заключалась въ ихъ утвержденіи папой, безъ чего они и не были бы вселенскими соборами. Съ другой стороны, папа можетъ обходиться и безъ соборовъ, которые нужны ему лишь въ порядкѣ совѣщательномъ, отнюдь не законодательномъ, а потому и могутъ быть замѣнены куріей, а то и вовсе упразднены. Болѣе послѣдовательные истолкователи ватиканскаго догмата (какъ напр., иезуитъ Пальміери**), прямо утверждаютъ, что папа есть единая власть въ церкви, обладающая и непогрѣшительностью и безошибочностью.

Дѣйствительно, не можетъ быть двухъ суверенитетовъ, двухъ верховныхъ юрисдикцій или органовъ непогрѣшительности, а потому и является или недомыслиемъ, или открытымъ противленіемъ дѣйствительному смыслу ватиканскаго догмата (которое, повидимому, рас-

*) Ibid., 244. Cp. Th. H. Simar. Lehrbuch der Dogmatik, 4. Aufl. 1899, I, 40; II, 754-6; Pohle, l. c. 248. H. Schell. Die kathol. Dogmatik. Paderborn. 1892. Bd. III, [1, 410-22.

**) De romano pontifice, thes. 21.

пространено въ католическомъ мірѣ больше, чѣмъ это кажется) такое признаніе какихъ то самостоятельныхъ правъ какъ за епископато́мъ, такъ и за соборомъ. Первое отрицается рѣшительнымъ и двухъ истолкованій не допускающимъ постановленіемъ 3 канона, которое дѣлаетъ епископовъ простыми викаріями папы, а его не только *episcopus universalis*, но и *episcopus episcoporum**). Второе же исключается прибавкой *ex sese*, *non ex consensu ecclesiae*, вставленной, какъ мы уже знаемъ, зарвавшимися ревнителями въ послѣдній моментъ**) и принятой безъ обсуждения. Аполлогеты толкуютъ и эту прибавку къ первоначальному *ex sese* какъ ограничительную, специально опредѣляющую смыслъ этого выраженія, которое иначе могло бы означать полную неограниченность папы въ провозглашеніи догматовъ. По общему контексту не эта опасность угрожала, но скорѣе рѣчь шла просто о томъ, чтобы вбить послѣдній гвоздь для закрѣпленія формулы. Это же значеніе имѣло и у с т р а н е н і е нѣкоторыхъ, дѣйствительно, ограничительныхъ словъ въ проектѣ, требующихъ отъ папы вѣрности церковному преданію и открывавшихъ дорогу критикѣ. Эти въ роковой формулѣ самыя роковыя слова отдѣляютъ папу отъ церкви и п р о т и в о п о с т а в л я ю т ъ его ей какъ повелителя, трансцендентнаго церкви (вопреки постоянно дѣлаемому сравненію главы въ соединеніи съ тѣломъ). Они *implicite* отвергають начало соборности въ церкви, зиждущееся на сло-

*) S c h u l t e. Lehrbuch des kathol. Kirchenrechts, 3 A. 1873, стр. 241-2.

**) Въ схемѣ 15 іюля было вычеркнуто *cum caeteris* (что могло быть истолковано въ «галликанскомъ» духѣ), чѣмъ усиленъ элементъ папской непогрѣшительности независимо отъ епископата, и вставлены слова «*non autem ex consensu Ecclesiae*» — ключевая позиція догмата. Затѣмъ въ абзацѣ IV гл. *Nos igitur* поставлены слова: *non quia* *deficientis*, вмѣсто *non deficientis*, чѣмъ были отвергнуты всѣмъ историкамъ извѣстныя заблужденія прежнихъ папъ. (Schulte, l. c. 289).

вахъ Христовыхъ: «идѣже два или три собраны во Имя Мое, тамъ и Азъ посредѣ ихъ» и на апостольскомъ преемствѣ епископата. Если бы эти слова въ формулѣ вовсе отсутствовали (или же вмѣсто нихъ стояли бы обратныя: *non ex sese, sed cum consensu ecclesiae*), тогда можно было бы правомѣрно отстаивать точку зрѣнія епископальную и соборную, однако она молчаливо, но выразительно отвергнута въ этихъ словахъ. Выражаясь языкомъ католическаго богословія, на долю в с е й церкви оставлена только *infallibilitas passiva*, т. е. добродѣтель вѣрующаго послушанія, вся же *infallibilitas activa*, которую католики относятъ на долю учащей церкви, принадлежитъ одному папѣ. Это же подчеркивается и тѣмъ обстоятельствомъ, что постановленіе собора опубликовано одностороннимъ папскимъ приказомъ, буллой, гдѣ, правда, упоминается: *sacro approbante consilio*, но лишь въ качествѣ ф а к т и ч е с к а г о, сопровождающаго обстоятельства, а не въ качествѣ каноническаго мотива или постановленія: этой *approbatio* собора противостоитъ папское *docemus et definimus*. Конечно, ватиканскій догматъ могъ бы быть опубликованъ и постановленіемъ собора, подтвержденнымъ папой. Тогда, по смыслу догмата, соборъ явился бы только «каведрой», папскимъ *ex cathedra* (какъ императорскіе указы иногда облекались въ форму постановленій госуд. совѣта, высочайше утвержденныхъ). Въ дѣйствительности же принятый способъ опубликованія н е с о в м ѣ с т и м ѣ съ какой бы то ни было самостоятельной ролью собора. Это становится еще болѣе понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что право опубликованія догматовъ или же правилъ вѣры принадлежитъ тому, кому свойственна полнота власти. Поэтому во вселенской церкви это право присуще было только вселенскимъ соборамъ, какъ органамъ высшей церковной власти для всей церкви. Теперь

эта plena potestas приписана одному папѣ, ему же и право провозглашенія догматовъ. Ватиканскій соборъ былъ не соборъ, а простое совѣщаніе при папѣ, расширенная консисторія, ибо при а б с о л ю т н о й власти папы вообще не можетъ быть собора, — не фактически, но канонически.

Здѣсь мы вплотную подходимъ къ основному внутреннему противорѣчію, которое является роковымъ въ самоопредѣленіи Ватиканскаго собора. Онъ созывался еще какъ соборъ, ибо раньше его не было догматовъ ни о plena potestas, ни объ infallibilitas, — тому доказательство, что оба они именно и обсуждались на соборѣ, какъ спорныя положенія, которыя многими и вовсе отвергались. Иначе говоря, оба догмата принадлежали къ истинамъ не самоочевиднымъ, относились не къ аксіомамъ, а къ теоремамъ. Но въ то же время провозглашеніе ихъ на соборѣ и отъ лица собора является внутренне противорѣчивымъ. Провозглашая папскій суверенитетъ, соборъ тѣмъ самымъ себя упразднилъ, совершилъ догматическое самоубійство, объявилъ свое собственное не-существованіе. Невозможно и внутренне противорѣчиво такое собраніе, которое постановляетъ то, что съ момента постановленія упраздняетъ и отвергаетъ его собственную правомочность и даже возможность, и притомъ не только въ будущемъ, но и въ прошломъ и настоящемъ. Нѣтъ противорѣчія, если учредительное собраніе избираетъ монарха или диктатора, и затѣмъ самоупраздняется, подчиняясь ему: оно передало ему полноту своей собственной власти, суверенитетъ здѣсь не прерывается, оно правомочно распорядилось полнотою своей власти. Но въ какомъ же положеніи оказывается соборъ, обсуждающій и голосующій такое догматическое положеніе, въ силу котораго оказывается, что ему вовсе не принадлежитъ ни полноты власти, ни даже вообще самостоятельнаго

значенія, ибо верховная власть въ церкви принадлежитъ и всегда принадлежала папѣ? Развѣ компетентенъ въ такомъ случаѣ соборъ судить и рядить объ этомъ? Развѣ могутъ столоначальники собравшись постановлять что-либо относительно власти директора департамента, которому они по закону подвѣдомственны? Развѣ можетъ какое бы то ни было собраніе въ самодержавной имперіи что нибудь постандвить относительно правъ своего монарха, взвѣшивать ихъ или надѣлять его ими? Однако подобный догматическій абсурдъ именно и имѣеть мѣсто на Ватиканскомъ соборѣ. Какъ могло быть внесено на обсужденіе собора положеніе, что полновластенъ судить и рѣшать не соборъ, а папа, и какъ могъ соборъ даже согласиться на обсужденіе подобнаго абсурда? Можно, конечно, возразить, что соборъ долженъ былъ исполнить распоряженіе папы во имя послушанія, чего бы оно ни касалось, однако даже и непогрѣшимый папа не можетъ совершать дѣйствія абсурднаго и самопротиворѣчиваго, каковымъ, безспорно, является внесеніе на соборное обсужденіе и рѣшеніе вопроса о томъ, что верховная власть въ церкви вообще (а въ частности и на это рѣшеніе) принадлежитъ не собору, а папѣ. Ватиканскіе ревнители въ своемъ богословскомъ волюнтаризмѣ не додумали до конца свой планъ использовать соборъ на то, что по смыслу своему никакому собору въ мірѣ неподвѣдомственно, и тѣмъ самымъ ф а к т и ч е с к и и д о г м а т и ч е с к и превратили соборъ, созванный и открытый какъ соборъ, въ соборный маскарадъ или простое совѣщаніе епископовъ при папѣ, имѣющее предметомъ лишь обсудить, какъ в ы р а з и т ь въ догматѣ искони существовавшей ф а к т ь. Ибо очевидно, что, если папскій примать есть самимъ Богомъ установленный и всегда существовавший фактъ, то онъ могъ быть соборомъ самое большее развѣ

только провозглашенъ, но не утвержденъ*). Собору здѣсь поставлена задача, которая завѣдомо превышаетъ его компетенцію, и потому должна бы быть имъ отвергнута или оставлена безъ обсуждения. И въ томъ и въ другомъ случаѣ разсмотрѣніе ея является недоразумѣніемъ и ошибкой.

Есть истины, которыя не могутъ быть доказываемы, ибо сами онѣ лежатъ въ основѣ всякаго доказательства: таковы математическія аксіомы, на основаніи которыхъ доказываются теоремы. Аксіома никоимъ образомъ не можетъ быть превращена въ теорему и сама стать предметомъ доказательства или изслѣдованія. Подобнымъ же образомъ и въ исторіи христіанскихъ догматовъ есть истины изначальныя и основныя, признаніемъ (или непризнаніемъ) которыхъ опредѣляется принадлежность (или непринадлежность) къ церкви. Это признаніе является, такъ сказать, к о н с т и т у т и в н ы м ъ признакомъ церковности. Говоря въ терминахъ Канта, такого рода догматическія аксіомы являются въ исторіи синтетическими сужденіями *a priori* (а не аналитическими сужденіями *a posteriori*), онѣ лежатъ въ основѣ всего церковнаго опыта и опредѣляютъ всѣ акты догматическаго сознанія. Такой непреложной аксіоматической основой церковности является вѣра во

*) Эту абсурдную противорѣчивость Ватиканскаго догмата отчетливо показали *Schulte Der Altkatholizismus. Giessen. 1871, стр. 311.* «Голосованіе 553 членовъ собора, голосовавшихъ за ватиканскій догматъ 18 іюля 1870 само по себѣ безразлично, ибо, если бы оно было необходимо, то опредѣленіе было бы невѣрно само въ себѣ, ибо оба обстоятельства: неизмѣнность изъ себя, а не на основаніи опредѣленія церкви, и неизмѣнность съ согласія церкви — суть конрадикторныя положенія на соборѣ. Также и оба положенія: является открывеннымъ отъ Бога догматомъ, что говорящій *ex cathedra* папа вслѣдствіе божественной помощи имѣетъ непогрѣшительность, и что папа сдѣлался непогрѣшимымъ вслѣдствіе признанія его непогрѣшимости со стороны собора, суть конрадикторныя противорѣчія. Слѣдовательно, согласіе и содѣйствіе собора безпредметно; кто вѣрилъ въ папскую непогрѣшительность, долженъ въ нее вѣрить, п. ч. папа провозгласилъ это съ кафедры, а не потому, что на это согласилось 553 разныхъ сортовъ прелатовъ».

Христа Богочеловѣка, Спасителя и Господа, и Его Церковь. Тѣ христологическіе (отчасти и экклезиологическіе) догматы, которые устанавливались на вселенскихъ соборахъ, являются по отношенію къ этимъ аксіомамъ догматическими теоремами, которыя провѣрялись и доказывались на ихъ основаніи. Такъ, напримѣръ, отверженіе арианства было частнымъ положеніемъ, имѣющимъ въ виду б л и ж е , ч а с т н ѣ е опредѣлить божественность Сына, и эту же задачу — выявить непреложную аксіому вѣры въ частной формулѣ, установить теорему вѣры, ставить себѣ и Никейскій догматъ. Особенностью такой догматической теоремы является то, что она, до авторитетнаго своего и окончательнаго опредѣленія, является проблематической, и на эту то проблему вѣры соборъ и отвѣчаетъ догматомъ, послѣ этого также получающимъ силу аксіомы, ея непреложность. Подобную же природу имѣли и остальные догматы, установленные въ исторіи церкви. Въ этомъ смыслѣ каждый догматъ для своего времени давалъ нѣчто новое, чего еще не было въ церковномъ сознаніи (почему и можно предъ лицомъ этого факта говорить о догматическомъ развитіи Церкви), хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ развитіи принципиально не можетъ быть ничего новаго, ибо въ Церкви все дано съ ея основанія, она есть полнота Наполняющаго во всѣхъ, а всѣ ея догматы — теоремы суть только разныя обнаруженія ея непреложныхъ аксіомъ, выражающихъ самое ея существованіе. Поэтому, вообще говоря, не можетъ быть и не было соборовъ, которые бы догматически устанавливали вѣру въ Богочеловѣка и Его церковь, хотя эта вѣра торжественно провозглашалась (напр. въ Никео-Константинопольскомъ символѣ). Однако здѣсь устанавливалась лишь извѣстная формула вѣры, а не самая вѣра, которая, разумѣется, была и

безъ символовъ и раньше символа, и она именно утвердила и соборъ, и символъ.

Примѣнимъ это различіе къ вопросу о Ватиканскомъ догматѣ. Принадлежитъ-ли онъ, если онъ истиненъ, къ числу такихъ догматическихъ теоремъ, которыя до времени оставались внѣ догматическаго поля зрѣнія и лишь съ опредѣленнаго момента вступаютъ въ него? — Можетъ-ли т а к о й догматъ явиться догматическимъ новшествомъ (хотя бы въ томъ относительно смѣслѣ, въ какомъ это вообще возможно), или же онъ принадлежитъ къ числу конститутивныхъ условій всякаго религіознаго опыта, есть какъ бы а priori церковности? Въ томъ видѣ, какъ папскій приматъ понятъ и установленъ на Ватиканскомъ соборѣ, очевидно, можетъ быть только послѣднее. Своеобразный экклезиопапизмъ, тамъ провозглашенный, объявляющій подчиненіе папѣ условіемъ церковности и дѣлающій послѣдняго живымъ начальникомъ церкви на землѣ, земнымъ викаріемъ Христа, т. е. земнымъ Христомъ относительно церкви, очевидно, могъ бы быть лишь столь же изначальнымъ, какъ и та аксіома вѣры, что Христосъ есть глава Церкви. И очевидно, что провозглашеніе такого догмата возможно только какъ торжественная декларация, а не какъ плодъ обсуждения и разрѣшенія догматической проблемы, поставленной въ видѣ «схемы» собору для обсуждения и принятія или непринятія. Соборъ, провозглашающій непогрѣшительную власть въ церкви *ex sese sine consensu ecclesiae*, совершаетъ актъ противорѣчивый и бессмысленный, самъ себя уничтожающій, есть *reductio ad absurdum* самого этого собора. Поэтому ватиканскій догматъ внутренне саморазлагается. Такой догматъ вообще не могъ быть провозглашенъ соборомъ въ формѣ догматическаго постановленія, а развѣ только исповѣданъ въ видѣ вѣрноподданческаго адреса съ изъявленіемъ

емъ преданности и послушанія. Такой догматъ, по смыслу его, властенъ произнести только папа, притомъ всякій папа и во всякое время, не только Пій IX въ Ватиканѣ, но и напр. Мартинъ V въ Констанцѣ или Евгеній IV въ Базелѣ. Поэтому не только оба послѣдніе собора, но даже и ватиканскій съ его борьбой и попытками противодѣйствія со стороны меньшинства оказываются фактическимъ отрицаніемъ мнимой догматической аксіомы. Самыя эти попытки являются уже не законнымъ дѣйствіемъ членовъ собора, ихъ обязанностью, но прямымъ церковнымъ бунтомъ и ересью. Нельзя спасти положеніе и указаніемъ на то, что, хотя догматъ этотъ содержался въ церкви всегда, однако только теперь пришло время для его провозглашенія. Идея «развитія догматовъ» не пользуется нимало относительно вопроса о церкви и ея главѣ: здѣсь могутъ измѣняться только формулы догмата, но существо его всегда должно быть аксіоматически ясно, и, какъ догматическое новшество, такой догматъ не можетъ быть провозглашенъ. Включеніе въ формулу догмата *з а в ѣ д о м о й* двусмысленности: *Sacro approbante consilio* (что можетъ быть съ о д и н а к о в ы м ъ основаніемъ переведено и какъ обстоятельство времени: *п о* или *п р и* одобреніи собора, и какъ обстоятельство образа дѣйствія: *в с л ѣ д с т в і е*, *в ъ с и л у*, послѣ, въ результатѣ одобренія собора) еще болѣе подчеркиваетъ внутреннюю невозможность догмата *ex sese sine consensu ecclesiae*, причемъ эта послѣдняя вставка, сдѣланная въ послѣдній моментъ, болѣе всего превращаетъ Ватиканскій догматъ въ бессмыслицу, въ круглый квадратъ и жареный ледъ. Еще разъ повторилась исторія Вавилонскаго столпотворенія... Упоенные побѣдой стремились получить наибольшіе триумфы, однако въ своемъ порывѣ не сумѣли во время остановиться и свести

концы съ концами. Этимъ обличается внутренняя противорѣчивость, общая невозможность экклезіопапизма.

* * *

*

Ватиканскій догматъ ненуженъ былъ католической Ц е р к в и. Порожденіе одной «ультрамонтанской» или, по нашей терминологіи, экклезіопапистской или просто папистской партіи въ церкви, онъ явился неожиданностью, навязанной сверху. Имъ нисколько не былъ увеличенъ или укрѣпленъ папскій авторитетъ фактически, — онъ и безъ того былъ и остается такъ великъ, что едва ли даже можетъ быть увеличенъ. Новый догматъ только придалъ папѣ догматическій нимбъ. Католическое богословіе, которое принуждено было внести въ свои анналы Ватиканъ, не знаетъ, что дѣлать съ этимъ догматомъ, и по настоящее время онъ остается догматической шарадой (несмотря на ворчливое заявленіе п. Пія IX еще въ 1871 г., въ отвѣтъ на просьбы о т о ч н ѣ й ш е м ѣ истолкованіи новаго догмата, что онъ ясенъ для всѣхъ, обладающихъ доброй совѣстью, — но что же иное и оставалось сказать создателю, а вмѣстѣ и жертвѣ Ватиканскаго опредѣленія?). До сихъ поръ, за полвѣка, изъ него не было сдѣлано еще ни разу практическаго примѣненія, папа ни разу не высказался торжественно *ex cathedra*. Одной его *plena potestas* оказалось достаточно, чтобы облекать непогрѣшимостью всякія, въ томъ числѣ и догматическія, опредѣленія (напр. противъ модернистовъ). Однако, несмотря на свою практическую ненужность, догматъ этотъ явился н е и з б ѣ ж н о с т ь ю, какъ послѣдній логическій выводъ церковнаго юрицизма и какъ предѣльный симптомъ глубокаго духовнаго распада зап. христіанства, происшедшаго съ реформаціей. Ватиканскій догматъ есть

послѣднее слово протестантизма внутри католичества, реформаціи, дѣйствующей какъ контр-реформація. Несмотря на властолюбіе отдѣльныхъ папъ и на историческую силу папства, Ватиканскій догматъ былъ бы и невозможенъ и безсмысленъ до реформаціи: невозможенъ потому, что начала церковной свободы еще живы были въ католической церкви, какъ мы знаемъ уже изъ исторіи предреформаціонныхъ соборовъ, и ученіе о папскомъ приматѣ не принимало характера ученія о церковномъ единодержавіи; безсмысленъ же потому, что вовсе и не было врага, отвергающаго церковную власть іерархіи. Реформація расколола не только внѣшнее тѣло церкви, но и внутреннее его единство. То соединеніе христіанской свободы и церковнаго послушанія, которое составляетъ существо церкви и нынѣ исповѣдуются только въ православіи, разрушилось: свободолубіе ушло, мнимое призракомъ свободы безъ послушанія, въ пустыни протестантизма и индивидуализма, а послушаніе, осознавъ себя въ своей враждебности свободѣ, еще болѣе прежняго изсохло въ законничество. Реакція ветхозавѣтныхъ началъ въ христіанствѣ, которая и ранѣе была замѣтна въ западной церкви, теперь усилилась, и послѣднимъ словомъ этой ветхозавѣтности и явился ватиканскій догматъ. Католическая церковь и доселѣ не оправилась отъ своеобразнаго духовнаго истощенія послѣ реформаціи, выразившагося, между прочимъ, въ своеобразномъ духовномъ милитаризмѣ *societatis Jesu*, этомъ образѣ новѣйшаго, послѣреформаціоннаго католичества. Нельзя не изумляться обилію силъ и жизненности западнаго христіанства, явленнаго въ протестантизмѣ, а еще болѣе въ католичествѣ, но нужно видѣть и это особенное его качество. Не нужно ослѣпляться богатствомъ его чело-вѣческихъ силъ, возрастомъ культуры, вы-

сотою цивилизаціи, — зап. Европа имѣть богатое наслѣдство, но слѣдуетъ различать особую т о н а л ь н о с т ь этой церковности по существу ея. Западно-европейскій міръ остается боленъ неизжитой и непреодоленной реформаціей, которая явилась неизбежнымъ его кризисомъ. И Ватиканскій соборъ свидѣтельствуемъ, что реформація еще не закончилась, что она продолжается и въ католичествомъ и въ протестантизмѣ. Эти обѣ раздѣлившіяся половины идутъ въ разныя стороны, причемъ Vaticanum готовитъ, разумѣется, новое вооруженіе противъ реформаціи. Однако, оно безсильно и свидѣтельствуемъ скорѣе о духовной слабости, нежели о мощи. Католичество есть могучая дисциплинированная армія, но церковь не есть армія, и арміей нельзя побѣдить реформацію, какъ обѣ этомъ достаточно свидѣтельствуемъ исторія; и ватиканская армія оказывается доселѣ безсильна противъ реформаціи. Католичество, какъ контр-реформація, само опредѣлилось чрезъ отрицаніе христіанской свободы, которую возвѣстило міру Евангеліе. Протестантскій же міръ услышалъ съ наибольшей ясностью это благовѣстіе свободы изъ проповѣди ап. Павла. Для тѣхъ, для кого христіанская свобода есть непреложный д о л г ь христіанина, отъ котораго онъ не можетъ отказаться, нѣтъ пути въ Ватиканъ. Напротивъ, для нихъ вполне возможенъ и естествененъ путь къ православію, хотя вступленіе на него необходимо должно сопровождаться внутреннимъ и внѣшнимъ преодоленіемъ реформаціи, какъ анти-іерархизма, болѣзни, привитой ей папизмомъ.

Реформація есть великая катастрофа западнаго христіанства, но она есть лишь продолженіе того же самаго процесса, которымъ вызвано было ранѣе т. наз. раздѣленіе церквей. Послѣднее, конечно, имѣетъ сложныя національно-культурныя и историческія причины, и невозможно отри-

цать долю вины въ немъ, наряду съ Римомъ, и на Византіи, на честолюбіи Константинопольскихъ патріарховъ и византійскомъ цезарепапизмѣ, однако не объ этомъ идетъ рѣчь. Намъ интересуется здѣсь, что то самое измѣненіе въ пониманіи и чувствѣ церковности, которое выразилось въ преобладаніи юридическихъ началъ и въ папизмѣ, эта ветхозавѣтная, проявившаяся и все усиливавшаяся въ Зап. Церкви, оказалась несовмѣстна съ восточной церковностью. Послѣдняя извнѣ страдала раболѣпіемъ и даже порабощенностію, но внутри хранила завѣты возлюбленнаго ученика Христова. Петринизмъ, притомъ все больше противопоставлявшійся паулинизму (хотя Петръ и Павелъ вмѣстѣ были основателями Римской церкви), оказывался несовмѣстимымъ съ Іоанновымъ христіанствомъ востока,— не въ историческихъ его слабостяхъ, но въ его умопостигаемомъ существѣ, въ самомъ его *εἶδος*. Этого и по сейчасъ не видятъ и не сознаютъ католическіе богословы. Но слѣдующимъ шагомъ въ усиленіи ветхозавѣтныхъ, духовноіудаистическихъ началъ въ католичествѣ явилось уродливое и противоестественное противопоставленіе апостоловъ Петра и Павла, совершившееся въ нѣдрахъ западнаго христіанства. И Ватиканскій догматъ безъ всякой нужды углубляетъ этотъ разрывъ. Въ этомъ смыслѣ онъ есть недоброе дѣло. Фанатическое ослѣпленіе контр-реформации побудило довести этотъ внутренній разрывъ до полной непримиримости. Ватиканскимъ догматомъ католичество въ настоящее время духовно изолируетъ себя отъ всего прочаго христіанскаго міра (какъ это въ наши дни снова проявилось на примѣрѣ Лозанской*) конференціи). Всегда агрессивное и презелитическое фактически, теперь оно и догматически вынуждается быть таковымъ. *Extra ecclesiam*

*) Ср. нашу статью въ Пути, августъ 1928 года: Къ вопросу о Лозанской Конференціи (энциклика п. Пія XI *mortalium animos*).

nulla salus теперь опредѣленно понимается такъ, что внѣ подчиненія папѣ, которому принадлежитъ *omnis creatura* (еще по буллѣ Бонифація VIII *Unam sanctam*), нѣтъ спасенія. Для католиковъ естествененъ становится одинъ образъ дѣйствій — завоевательный, одна политика — папскаго империализма. Католичество, по догматическому своему существу, не можетъ знать иного соединенія, кромѣ подчиненія папѣ, это властолюбіе не личное или, такъ сказать, психологическое, но онтологическое. Католичество должно онтологически измѣниться, утратить свой папизмъ, сдѣлаться православнымъ въ этомъ рѣшающемъ пунктѣ, чтобы явилась потребность въ соединеніи. Молитва Господа: «да будутъ всѣ едино» существенно различно понимается католичествомъ и православіемъ, настолько, что и молятся о разномъ. Ватиканскій догматъ, который явился насиліемъ надъ извѣстной частью католической церкви, болѣе близкой къ православію, и въ настоящее время многихъ понуждаетъ къ лицемѣрью. Однако нельзя отрицать, что папизмъ и по сіе время составляетъ в н у т р е н н ы й фактъ и духовный устой католическаго міра. И пока остается такъ, приходится сказать, что послѣдній не созрѣлъ еще для подлиннаго соединенія церквей. Здѣсь безсильны теологическіе доводы, иначе передъ ними давно уже должна была бы разсыпаться ватиканская твердыня волюнтаристическаго богословія. Для этого, кромѣ вѣковой научной работы протестантизма, достаточно было бы уничтожающей и научно неотразимой критики даже старокатоликовъ. Вся работа научнаго испроверженія папизма въ сущности уже произведена. Нѣтъ, здѣсь должна воздѣйствовать сама жизнь, н о в ы й о п ы т ъ, котораго католичество пока не знаетъ. Папство испытало великія потрясенія и догматическія колебанія: въ эпоху авиньонскаго плѣненія, въ XV вѣкѣ, въ концѣ

XVIII в. Въ нашъ вѣкъ великихъ потрясеній гарантировано ли и оно отъ нихъ, хотя и кажется, что незыблема «скала Петрова», и даже возстановляется папское государство? Незыблемой казалась твердыня и царскаго цезарепапизма, но она рассыпалась въ дребезги въ нѣсколько дней. И каждый историческій часъ, каждый переворотъ чревать новыми возможностями и потрясеніями.

До сихъ поръ, пока стоитъ ватиканскій догматъ, для православнаго міра онъ есть непреодолимое препятствіе къ искреннему и подлинному движенію къ воссоединенію съ католичествомъ. Несомнѣнно, и въ православіи есть люди католической психологіи и католическаго образа мыслей — паписты безъ папы, которые по-католически понимаютъ церковность и по-католически же говорятъ не о в о з соединеніи, но лишь о присоединеніи и подчиненіи. Не беря здѣсь вопроса о церковномъ расколѣ и его преодоленіи во всемъ его догматическомъ объемѣ, можно констатировать однако, что католизирующими мнѣніями отнюдь не исчерпывается и не опредѣляется все отношеніе къ разсматриваемому вопросу въ православіи, и ужъ во всякомъ случаѣ въ нѣдрахъ православія сохраняется полная возможность судить о вопросѣ по существу. За вѣка раскола между востокомъ и западомъ накопилось немало догматическихъ различій, если не разногласій. Всѣ они еще могутъ быть обсуждаемы по существу, если только для этого есть возможность съ обѣихъ сторонъ. Для православія такая возможность есть. Однако, до тѣхъ поръ, пока твердо стоитъ ватиканскій догматъ, эта возможность (на вселенскомъ соборѣ или инымъ способомъ) для католичества отпадаетъ, п. ч. всѣ догматы католичества, каковы бы они ни были и чего бы ни касались, обсужденію по существу не подлежатъ, разъ они получили папское утвержденіе, имѣютъ на себѣ штемпель

непогрѣшимости. Возможно здѣсь только подчиненіе и присоединеніе. Но на такую почву, разумѣется, православіе не можетъ вступить по своему существу, ибо это значило бы отвергнуться своего церковнаго естества, благодати Св. Духа, живущей въ Церкви, которую вѣдаетъ всякій православный.

Ватиканскій догматъ является въ настоящее время центральнымъ для вопроса о воссоединеніи церкви, если Господь когда либо явитъ міру это чудо Своей милости. Раньше, въ эпоху II Ліонскаго и Флорентійскаго собора, главными вопросами догматическихъ пререканій былъ догматъ о Духѣ Святомъ, о *filioque*, и лишь на второмъ мѣстѣ стоялъ вопросъ о папскомъ приматѣ (вмѣстѣ съ вопросомъ о совершеніи литургіи на квасномъ или прѣсномъ хлѣбѣ, о чистилищѣ и нѣкотор. др.). Въ настоящее время вопросъ о Св. Духѣ, конечно, не потерялъ ни своей важности, ни своей трудности, но фактически, въ сознаніи, онъ уже пересталъ быть *impedimentum dirimens*, по выраженію В. В. Болотова, и допускаетъ возможность спокойнаго богословскаго обсужденія (какъ это и имѣло мѣсто при переговорахъ съ старокатоликами). Почти утерять значеніе и непогрѣнно преувеличенный въ свое время вопросъ о различіи въ восточной и западной литургіи и объ опрѣснокахъ. Сравнительно второстепеннымъ является вопросъ даже о чистилищѣ, какъ и о новомъ догматѣ Непорочнаго Зачатія (поскольку онъ не сплетается во едино съ папской непогрѣшительностью). Но зато всѣ эти частныя разногласія заслонены однимъ, — основнымъ. Это непогрѣнно выросшій и окрѣпшій за эти вѣка папизмъ, догматически утвержденный въ ватиканскомъ догматѣ. Это и есть основное и опредѣляющее разногласіе между востокомъ и западомъ. Католичество стало папизмомъ и утверждаетъ какъ таковой, напротивъ,

православіе, хотя оно можетъ и должно признавать первенство римской кафедры, воздавая ей древнюю честь, ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять именно папизмъ, который является для него ересью въ ученіи о церкви. Такимъ образомъ, вопросъ стоитъ съ роковой безвыходностью: до тѣхъ поръ пока католичество не перестанетъ быть папизмомъ и не откажется по существу отъ ватиканскаго догмата (хотя бы черезъ новое и точнѣйшее его истолкованіе), — а для этого долженъ совершиться въ немъ геологическій переворотъ, — къ соединенію съ нимъ нѣтъ путей. Однако невозможное для человѣка возможно для Бога, и намъ остается ввѣриться Промыслу, насъ ведущему, устрояющему судьбы Церкви и совершающему невозможное для человѣковъ.

Протоіерей Сергій Булгаковъ.
